

ЕЛЕНА КОСС

БУМАЖНЫЕ ЗЕРКАЛА

Text

Сжатая проза

18+

Елена Косс
Бумажные Зеркала

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Косс Е. Б.

Бумажные Зеркала / Е. Б. Косс — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Восемь романов, написанных в разных жанрах: социальный юмор, сатира, мемуары, фантастика, антиутопия. Прозе Елены присущи самобытный стиль, метафоричность и сложные композиционные решения, позволяющие создать эмоционально и событийно объемные произведения всего на нескольких страницах. Импровизационная манера написания позволяет автору оставаться искренним и избежать манипуляций читательским интересом, что создаёт атмосферу равенства дружеской беседы и способствует раскрытию творческого потенциала. Все возможные совпадения имён, отчеств, фамилий, населенных пунктов и стран случайны.

© Косс Е. Б., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ГОРОДА

Роман

Глава 1

Около полудня по пыльной, затоптанной пешеходами дороге маленького провинциального города Н проехала черная, непривычно блестящая в местных столпах пыли, машина. Два номера машины, мирно позвякивая друг о друга, привлекли внимание нескольких мечтателей, проводивших целые дни на маленькой городской центральной улице в надежде побыстрее или хотя бы как-то, но разбогатеть. Казалось, настало время перемен, когда случай правил удачей, и изобретательная удача могла принести все. Но везение, невзирая на жажду и неодолимую страстную веру в него и тягу, обходило пока стороной. Хотя порой счастье близко гремело денежными знаками, но это носило скорее свойство соседства, чем личную прибыль. Газеты едва успевали передавать все те ловкие истории, которыми были заполнены полки редакций. И пряный, и странный сладким привкус новой жизни наполнял горожан новым смыслом надежды.

Машина была с затененными окнами, но в приоткрытое со стороны водителя окно было понятно, что все места там тоже уже заняты. По номерам в силу их двойственности о привычном месте обитания хозяев машины судить было трудно. И даже Степан Макарович Подмеркин, местная власть и гроза мотоциклистов, уважаемый в городе каждым, кто имел водительские права или вкус к езде, покачал головой озадаченно. Кому же захочется встречаться лицом к лицу с неизвестным, к тому перед самым обедом. Степан Макарович недавно, не больше года назад, женился. И обедать ездил домой.

Местный юродивый Женька Леваков стоял по привычке с приоткрытым ртом, но выражение лица было сосредоточенное и даже злое. Женька, казалось, считал. Еще недавно произошла битва с Маруськой у ворот новой церквушки за место. Маруська покусала его больно, как собака. Бешеная баба эта Маруська. За рубль убьет. Женька откупился, а денег жаль до сих пор.

-Долго бы не кусалась, зубов бы не напаслась.

Ну, эти-то точно не на его место приехали. Но интересно, на чье? Это любопытство было приятно ему, охладевшему ко многому привычному, после приобретения новой профессии. Только и осталось у него пыль у церковных ворот по воскресеньям и праздникам и чужая вдова по ночам.

Все бы напоминало жизнь этого же самого города лет сто, сто с лишним тому назад, если бы еще куры копались, выискивая что-то мелкое в грязи, и на окнах за кисейными занавесками кокетливо выглядывала бы герань, но кур на центральной улице не было, и окна были плотно и тяжело закрыты жалюзями, современным атрибутом городской жизни.

Незаметно за волнениями и суетой, суетой в том смысле, что днем мало кто спал, и люди так или иначе двигались целый день, после двух сумеречных часов, проведенных у телевизора, наступила ночь. Ночь была темная из-за того, что мальчишки давно уже разбили фонари на центральной улице, а окраина города освещалась собственными окнами жителей, которые, ложась спать, по сельскому обычаю с темнотой, выключив свет, подвергли окраины потемкам.

Ночь была сплошной, непроглядной и холодной, как стена.

Машина подъехала к городскому, с покосившимися, почти прижавшимися к земле крестами, кладбищу. Сразу за воротами была контора с забитой крест на крест дверью. Трава на дороге была высокой и влажной. Трое одинакового высокого роста крепких мужчин и одеты были, казалось одинаково, в темные костюмы. Четвертый был почти лысый, удивительно

маленького роста; на нем были простые джинсы и куртка. В то время, как маленький человек изучал закрытые наглухо, заржавевшим давно и готовым открыться теперь под первым же ударом, замком, кладбищенские ворота, вдобавок увитые сильными стеблями плюща, двое других тяжело несли огромный баул, того типа, которые обычно таскают на рынках ловкие старушки в одиночку.

Маленький быстро прошел вдоль забора и нашел лаз. Таким образом, центральный вход мог торжественно продолжать ржаветь и весной по-прежнему покрываться дикими душистыми цветами плюща. Он сделал знак остальным остановиться и, скользнув в дыру в изгороди, почти исчез в темной сырой траве.

В конторе горел свет, и слышались голоса.

Глава 2

На окраине, где была свалка, неделей позже старуха нашла совсем новое мужское пальто и нацепила его на себя. Город маленький с внимательно-любопытным к происходящему населением. Кто-то заметил, кто-то кому-то сказал. И старуха сидела уже в милиции и беззубо рассказывала.

– Миленькие, я же туда часто хожу, обнову какую-нибудь всегда найти можно. Какое же оно мужское? Искренне удивлялась она. Пуговицы, говоришь, справа. Ну, мне же никакой разницы, главное теплое оно. Да, и пуговицы-то слева, лукаво говорила она, пытаясь правую руку выдать за левую.

Поехали осматривать место находки. Молоденький еще совсем лейтенант, мечтающий о настоящем деле, воспользовавшись отсутствием начальства, старался, искал тело, тормоша палкой противно пахнущую помойку. А что стараться, нет тела, нашли только двух дохлых собак. Нет тела, нет и преступления. Отдали старухе пальто. Теперь зиму протянет, не замерзнет.

Глава 3

– Милочка, Зиночка, почему же звонок у нас дребезжит так неприятно. Мы же на пороге завтра, а звонок у нас доисторический, вчерашний звонок. Вот у вас же на телефоне мелодия приятная. Кстати, где Ваш телефон? Потеряли? Как потеряли? Позвоните по нему, может, кто-то нашел. Ну, пишите план на завтра. Берите бумагу, ручку, пишите: поменять звонок, на приятную, энергичную, может и народную мелодию. Если для этого понадобится и сам телефон сменить, меняйте. Работать – это вам не нос пудрить.

– Обиделась, теперь дома скандалить будет. Но женам надо иногда устраивать сцены, особенно, если и дома и на работе вместе. Человек должен проявлять себя, тратить энергию, а то ведь и сбежать может. А она красивая, Зиночка, как губки-то надула, вот-вот заплачет.

– Да, мэрия, кто-кто, мэр на телефоне, взял трубку толстяк, прерывая мирные размышления.

– Занят, перезвоните секретарше.

– Зиночка, почему я за Вас должен на телефон отвечать, крикнул он из кабинета тихонько плачущей Зиночке.

– А где же это она телефон потеряла?

Глава 4

Зиночка телефон не теряла, она отдала его на выходные Петру. С Петром они учились в школе. Ели мороженое, убегали с уроков, ходили в кино и целовались. Когда Зиночка вышла

замуж, Петр опять появился. Ему нужно было помочь найти работу. Зиночка поговорила с мужем. Петр уже больше года работал сантехником в мэрии. Потом уволился и появился две недели назад, ему срочно нужен был телефон на выходные, заболела бабушка.

Уже потом Зиночка вспомнила, что единственная бабушка Петра давно умерла. Сначала Зиночке было страшно позвонить на свой телефон, ей было неловко, но вот уже целую неделю телефон не отвечал ни днем, ни даже ночью. Теперь она не могла думать ни о чем другом, кроме злополучного телефона. Она все еще волновалась за Петра и очень боялась мужа.

Глава 5

Обладатели загадочной машины появились на единственной улице города – центральной. Улица начиналась небольшой площадью, с засиженными горожанами до залысин, лоснящейся плотной глиной мест, предназначенных под газоны. В самом центре стоял памятник человеку, мужчине, к которому кроме голубей днем никто не проявлял внимания. В сумерки же он часто находил иное применение, мало чем отличающееся по интересам, да и по результатам от дневного, птичьего. Площадь окружена была сочными лопухами и надоедливый репейником. А дальше улица ковыляла, пробираясь по городу с домами и дворами, наступающими на город то там, то сям. Она изворачивалась и петляла, становясь скользкой и местами едва проходимой, переходя в скромную тропинку. Город с наступлением новой жизни терял улицы под напором граждан, увеличивающих хоть на немного свои владения.

Были сумерки – время перемен и случайности.

Трое высоких манекенообразных и один подвижный, как его собственные мысли, маленький человек, быстро проходили по площади, очевидно стараясь быть незамеченными.

Но молоко сумерек еще не сгустилось настолько, чтобы старуха, застыв с двумя ровными рядами зубов в напряженной руке, остановив свой взгляд, как на портретах, которых никогда и никто с нее не писал, пропустила бы их мимо границы ее зрения, расположившейся между двумя погнутыми створками жалюзи, предназначенных для обзора городских событий.

Старуха вздрогнула, когда потеряла их из виду. Взгляд ее был как остекляненный. Она села к столу и мягко поглотив зубы, которые минуту назад еще держала в руках, налила в чашку задумчивый чай.

В дверь тихонько постучали.

-Входи, хрипло и скучно отозвалась старуха.

Дверь действительно скрипнула осторожно. Но в комнате никто не появился. Старуха нехотя, но с появившейся уже некоторой живостью в глазах, встала и внезапно бодро для ее облика прошла в коридор. На пороге стояла тоненькая, едва различимая рядом с огромной вешалкой, завешанной разнообразными пальто, Зиночка.

– Принесла, строго осведомилась старуха, и голос ее в этот момент даже немного напомнил молоденького лейтенанта, который недавно допрашивал ее саму с пристрастием новичка.

– Вот, Зиночка протянула маленький, уместившийся на ладони сверток.

Старуха развернула его профессионально быстро. С такой скоростью обращаются со свертками только разве продавцы универмагов, но они наоборот их только сворачивают. Из бумаги показалась деревянная коробочка, в которую обычно провинциальные жительницы кладут украшения, наивно пряча их под матрасом кровати, что в случае кражи значительно экономит как время, так и усилия воров.

– Решилась? Строго произнесла старуха, глядя в сторону, чтобы не быть причастной к этим последним сомнениям или созревшему решению.

– Да, выдохнула Зиночка.

Старуха открыла коробок. В нем беззащитно лежал второпях отстриженный локон мэра города.

Глава 6

Федор Ильич, мэр города, не мог заснуть до пяти часов утра. Его внезапно стала тревожить мысль о телефоне, том самом, который он подарил Зиночке на день рождение.

– Куда же это он мог запропасться. Нет, она его не потеряла, а выбросила, наверное, или продала. Продала, выбросила...

– Она избавилась от телефона, чтобы он, Федор Ильич, мэр города, не мог позвонить ей.

– Где она была сегодня вечером?

Он хотел незаметно перевернуться с боку на бок, но его движение выдало колыхание огромного живота. И Зиночка, вздрогнув, закричала. Мэр, напуганный криком, не знал, как поступить. Он тоже вскрикнул и быстро повернулся обратно.

– Милочка, Зиночка, ты спишь? Неожиданно тихо для себя самого попросил он. Ответа не было. И только частое дыхание и на этот раз крик, леденящий душу мэра, донесся с половины, точнее трети кровати, которую занимала Зиночка. Не включая света, он встал, обойдя кровать, остановился, нагнулся над Зиночкой. Она часто-часто, неглубоко, как будто убежала, дышала. Он осторожно дотронулся до ее лица, оно горело и одновременно было странно холодным. Оказавшись снова в кровати, мэр, всегда, будучи человеком долга, испытал на этот раз прилив долга супружеского; справившись с которым, он наконец-то заснул.

Глава 7

Вести в город Н привозил скорый поезд. Остановка в городе была короткой, да и почты было немного. На почтовом отделении работали супруги Ивановы. Иванов принимал письма, Иванова их раздавала.

Скорый редко приходил по расписанию. Чаще всего задерживался. Но пару раз отправился раньше. Один раз на станцию позвонили, предупредить пассажиров, и дед Макай, второпях забыл чемодан с гостинцами дома. Вернулся он осенью, когда гостинцы уже сгнили почти вместе с чемоданом. Спаслась только банка сливового варенья. И та была с косточками. Внучка, узнав, заставила деда ее выбросить. Другой раз о том, что поезд проедет раньше, сообщить забыли. Но дед Макай, всегда приходивший на вокзал часа за два, успел нагнать его, торопливо семена от недопитого вокзального чая по платформе за тронувшимся поездом.

Иванов, записавший себе истории деда Макай, как памятку, в записную книжку, тоже приходил раньше. Он с аппетитом позавтракал в привокзальном ресторане сочной сарделькой и бутылкой молока, и сидел теперь на перроне, перелистывая недельной давности газету, не столько интересуясь, сколько просто греясь на солнышке.

Дождавшись скорого, Иванов забрал небольшой мешок с почтой и поспешил к месту службы. Он приехал к кипящему самовару, который красовался на небольшом дорожном столе, специально приспособленном супругами для чаепития. Самовар был окружен баранками, сухариками с орешками и маленькими фигурными шоколадками. Он сразу же отложил газеты на служебный стол. Газет было восемь и все 'Правда'. Семь из них были уточненной 'Комсомольской' правдой и восьмая была правда простая, без украшений, очевидно экономя читательскую энергию, которую любознательность иногда устремляет на сомнения, газета настойчиво дружески рекомендовала себя: 'Правда'. Так иногда встречаешь людей, которые с приятной улыбкой, сопровождающей их ежеминутно, расскажут глубоко поучительное, заключив: ' Не доверяйте никому'. 'Мне можно' добавляют они неожиданно и миролюбиво настолько, что, чувствуя вдруг собственную слабость и усталость от тревог, отдаешь им свою судьбу сразу, вместе с кошельком. Они же, как правило, с той же милой улыбкой забирают только кошелек. И только тут начинаешь испытывать истинную благодарность, оставшись сво-

бодным от иллюзий. И правду эту очень любил мэр города, Федор Ильич. Да и кому как не власти верить во власть.

Письма, их было несколько штук, попали на место рядом с самоваром, очевидно для дальнейшей сортировки. Едва напившись чаю, супруги тотчас принялись за работу.

Первое письмо было деду Макаю от внучки, которая жила в областном центре. Это к ней он ездил, опаздывая и догоняя поезда, и договариваясь с проводниками каждый раз, приостановить поезд на нужной ему остановке. Заботливая внучка вкладывала в письма каждый раз пару сотен рублей, а дед берег их и покупал ей потом подарки.

Иванова сразу же, не распечатав, положила письмо Макаю в почтовую сумку. Да и что может написать внучка деду? Побереги себя, дескать, да пересчитай внимательно деньги, да спрячь подальше, да, не забудь куда спрятал...

Остальные письма все были адресованы старухе.

Открывалось письмо старинным методом, известным почтмейстерам всех времен, тут же при помощи самовара, фыркающего кипятком. Остерегаться надо бы любви к чаепитию людьми данной профессии.

Писем было не меньше тридцати. Все они содержали откровенно-горестные признания полуманных жизней. Основной темой длинных этих и часто нестройных писем была супружеская измена. Приходили письма и с благодарностью. Все письма содержали значительные суммы денег, в основном в долларовом эквиваленте.

Супруги были людьми набожными и мирно преданными друг другу. Некоторые письма им приходилось перечитывать, едва понимая и ужасаясь той низости, до которой может опуститься человек. И грех непощения и ревности волновал и даже злил этих тихих людей. Дочитав письмо, они откладывали деньги легонько в сторону. Собранное со всех писем, они делили ровно пополам и сортировали обратно по конвертам, тщательно заклеивая письма канцелярским клеем, стоящим всегда наготове. Вырученную сумму им приходилось делить опять пополам, чтобы иметь возможность вот так, раз в неделю, спешить к прибытию скорого, а потом пить чай, да еще с баранками и фигурными шоколадками.

Глава 8

Среди старухиных писем, вдруг, попалось одно неведанное до сих пор и не подвергающееся никакой разумной классификации письмо с дразнящим и пугающим 'До востребования' Селедкину П.В.

Иванов тотчас позвонил мэру, но того не было ни дома, ни на службе. Опасаясь самих себя, да и за самих себя, супруги решились открыть письмо. Волнуясь, как новички, они, подержав конверт на пару, осторожно, специально тупой бритвой, приоткрыли его и легонько вынули письмо. Гордые успехом, они смогли убедиться, что опыт вещь важная, и упорный труд всегда может рассчитывать на вознаграждение.

'Главный уверяет, что можно обойтись и без гробов. Но, если тебе для выстрела и нужны гроб или два, это понятно. Но ты же двадцать штук заказал. Такое не утаишь, все равно докопаются. Три избушки в прошлом году сожгли, а они потом все нарисовались у тещи в огороде. Неужели там своих гробов нет. В таких делах нечего экономить. Главный сказал, стрелять надо с толком, с минимальной потерей для своих. Главный с тебя потом вычтет за гроб для тещи.

Пока, привет команде, Сережа'.

Глава 9

Немая.

Глава 10

Где объясняется немое, долгое и мучительное удивление супругов Ивановых, владевших ими всю предыдущую главу. Поняв, что письмо не относится к изученной ими ранее категории супружеских измен, решено было Иванову отправить на розыски мэра.

Глава 11

Иванова отложила 'Правду' и приложила к ней маленький, второпях надушенный ландышевыми духами, оставшимися еще от мамы, конверт, с четвертной долей старухиною заработка. Иная правда нуждается и в поддержке. Еще один конверт был со злополучным письмом, явно требующим непременно осведомленность мэра. Приписка Селедкину П.В. в данном случае роли не играла.

Вдруг, в дверь, приветливо распахнутую солнечному дню, вбежал маленький, мгновенный человек и спросил писем.

– Каких писем. Искренне удивились Ивановы.

– Писем, писем и денежных переводов, запальчиво настаивал пришелец.

Трое верзил, загородив дверь, совершенно лишили помещение почтового отделения возможности проникновения последних осенних лучей.

– Да, вот же письмо, мне, Селедкину П.В. сказал человек и схватил не только свое, но и надушенное письмо и несколько даже писем старухи.

Растерянный Иванов, изучивший жизнь лишь по скудной переписке жителей города Н, не знал, что делать. Иванова же наоборот, вцепившись в рукав рокового незнакомца, устойчиво требовала удостоверения личности.

Предполагаемый Селедкин даже порылся в карманах, но вспомнив, что не прихватил с собой документа, миролюбиво успокоил:

' Селедкин – это псевдоним, милая дама. Псевдонимам же документы не выдаются'.

И четверка быстро исчезла в клубах дыма и пыли, оставляемых выглядящей провинциальной уже машиной, предоставив Ивановых недоумению одиночества.

Начав уже дышать, но, не успев еще подумать, они снова позвонили мэру, и не застав его снова ни в мэрии, ни дома, супруги решили пришествие самозванца Селедкина полностью проигнорировать, как не случившееся. Они с единым вздохом согласных во всем супругов надушили другой маленький конверт, вложив туда свою, уже четвертую часть старухиных денег. На, приветливо вздутые им навстречу в виде различных фигурок, шоколадки они вполне безразлично посмотрели, как на роскошь, уже чужую. Так внезапно и трагически закончилось чаепитие двух супругов – соратников, этих верных городу горожан.

Глава 12

Старуха затопила печь, хотя на улице еще и было тепло, но все время мерзли ноги. Она села на табуретку и вонзила свое лицо, с нацепленными на нос очками, скорее напоминающими лупы ювелира, в первое выбранное из охапки письмо. Сначала она всегда читала письмо. Потом долго думала, потом проверяла, есть ли в конверте деньги и если находила их, то после нехитрого учета, прятала деньги в ведро, накрывала доской и сверху клала гладкий, толстый камень, так что ведро это ничем не отличалась от нескольких подобных с квашеной капустой или малосольными огурцами, хранящимися в подвале. Когда ведро набиралось полным, старуха уносила его, доверяя свои деньги иной судьбе.

Письма же были двух типов, требующие приворота и им противоположные. Иногда кто-то просил у старухи здоровья себе или детям. Находились и алчные духом, просящие только

денег. Старуха отвечала им, имеющим, судя по всему, уже и любовь и здоровье, сухим отказом и вкладывала в письмо какую-нибудь поучительную историю, которыми изобиловала 'Комсомольская правда'. Делясь подобным образом с алчными, старуха прочим адресатам предоставляла отчет, настоящий из трав и ее долгого шепота.

Глава 13

Зиночка была доставлена в больницу скорой помощью и сразу же переведена в отделение инсультников, так как психиатрического отделения в больнице не было. Лечащий врач определил ее состояние, долго допрашивая, как мании; какие именно он пока не уточнял, давая Зиночке шанс, который сам давно потерял, когда-нибудь да выбраться из этого заведения. Слова, которые она чаще всего выкрикивала воспаленными губами, были: ' телефон, старуха, не могу больше так жить и, почему-то, мэр'. Мэр просидел в ее палате целый час и уехал домой. Но по дороге, домой ехать, передумал. Его водитель бодро зашел в магазин и вышел оттуда с бутылками вина. Мэр грустил, уткнувшись носом, как в детстве, в холодное стекло. Машина кружила несколько часов по одним и тем же улицам, постепенно спугнув горожан, привыкших мечтать на свежем воздухе. Уже стемнело, когда машина остановилась на центральной улице города. Мэр невесело посмотрел на единственный памятник в городе, постучал в дверь. За дверью ответили. На рассвете он вышел оттуда с заведующей ЗАГСом. Перейдя улицу, они вошли в сонное помещение ЗАГСа. Заведующая, стесняясь надеть очки в присутствии мэра, близоруко улыбаясь, заполнила два документа. Мэр спрятал в карман свидетельство о разводе, а его дама, бережно положила в сумочку, свидетельство вполне противоположного свойства. Так мэр города оказался снова женат.

Зиночка сидела на кровати и смотрела, как осенние листья брели по дороге. В палате она была одна, в городе редко кто терял рассудок. Она подошла к окну, оно было за решеткой и открыть его невозможно. Дверь была заперта. На полу около кровати, стоял горшок, совершенно похожий на те, которыми матери приучают годовалых детей к чистоплотности. Все напоминало заключение. Зиночке стало, вдруг, смешно и захотелось на свободу. Она пододвинула кровать к окну, открыла форточку и выскользнула в нее тихо и легко, как птица навсегда покидает клетку, не оглядываясь. Она быстро дошла до кладбища, замерзая в больничном халате. Там в конторе, когда-то работал отец. Другого дома у нее уже не было.

В конторе горел свет, и слышались голоса.

Когда ее тоненькая, как тень, фигура появилась на пороге, Селедкину показалось, что заброшенное кладбище, ошибившись, посетила богиня. Он встал и представился по имени отчеству, как бы не уточняя рыбное свойство своей фамилии. Такое с ним случилось впервые. Зиночке же он показался веселым и быстрым, как молния. Любовь с первого взгляда не была свойственна обитателям маленького города, которые знали друг друга с самого рождения и до смерти. Да, и приезжие, скорее проезжали город, чем заезжали в него. Но на этот раз чудо случилось.

Глава 14

Старуха снова сидела в милиции и оправдывалась, что мэру она вреда не причинила, а локон отрастет, и упрямо добавляла, что Зиночку она видит впервые, хотя перед ней кроме лейтенанта никого не было. Отпустили старуху только через несколько месяцев. Она шла домой, прихрамывая и присаживаясь на каждую встретившуюся скамейку. Дойдя до дома, она вошла в него, тут же вышла, оставя дверь открытой настежь. Она уходила, неся ведро не то малосольных огурцов, не то квашеной капусты. Больше в городе старухи никто не видел.

Глава 15

Почтовое отделение закрыли, на его месте появился гастроном, с прилавком для почты, между винным отделом и отделом лаков и красок. Кто был хозяином этого магазина, никто не знал, но хозяйничала в нем с улыбками человека, долго проработавшего на ответственной должности, заведующая ЗАГСом.

Селедкин же оказался реальностью для города. Он и его команда еще целый год снимали фильм про вампиров, на заброшенном городском кладбище, активно привлекая горожан к съемкам в доставленных из столицы гробах. Зиночке досталась главная роль, но только не в кино, а в судьбе Селедкина. После съемок Селедкин с командой уехали. И Зиночка в городе больше не появилась.

Мэр нашел потерянный Зинойкой телефон и подарил его на день рождения заведующей ЗАГСом, сопроводив подарок достойной момента и необременительной для голоса речью.

Петр отработал два года исправительных работ, сантехником в мэрии, за кражу телефона, выплачивая понемногу заведующей ЗАГСом моральный ущерб, с включенной в него стоимостью самого телефона.

Жизнь города Н продолжалась в ожидании благополучия и чудес. На главной улице поставили новый фонарь.

О ПРОСТОМ ПОДЕЛОМ

РОМАН

Глава 1

По коридору на добротных железных носилках, с приделанными к ним снизу колесиками, вывозили Петра Алексеевича Грушкина.

"Ничего", – думал санитар.

– Ничего, если развернуть негде, то можно и ногами вперед, – говорил санитар Грушкину, с ужасом нащупавшему нехватку кошелька на своем болезненном теле.

Грушкин точно помнил, когда его подобрали на улице и он очнулся, кошелек был.

Кошелек был еще даже тогда, когда Петра Алексеевича везли головой вперед на осмотр в кабинет.

Карман халата санитара был вызывающе оттопырен спрятанными туда еще неделю назад двумя парами грязных носков, которые санитар регулярно приносил на стирку своей даме сердца, работавшей в этом же учреждении. Но дама пропала куда-то, может, засела на больничный по уходу за своими двумя детьми, болевшими постоянно. Санитар распахал белье как попало в надежде, что она появится вскоре.

Грушкин, которому внезапно примерещилось, что его сбережениями можно оттопырить карман санитара, так же как и носками, к тому же еще и месячной заскорузлости, безвольно, но крайне настойчиво начал тянуть халат, ухватившись за карман.

Санитар смущенно отмахнулся, попав Грушкину Петру Алексеевичу в висок указательной косточкой сильного своего кулака. Петр Алексеевич и ахнуть не успел, только вздохнул неглубоко. Санитар подвез его к кабинету рентгенолога.

Через час прибежала рентгенолог с обеда, таща по привычке сумки с едой. Она и обнаружила первая труп Грушкина, слегка подтолкнула каталку в сторону к выходу, ногами вперед, открыла дверь, запрятала продукты в шкаф, вернулась и потребовала, отозвавшись эхом в пустом коридоре:

– Следующий.

На следующий день Агрипина Алевтиновна, зам главврача МСЧ увидела в коридоре около кабинета человека.

– Вы ко мне? – спросила она невыразительно, машинально отметив настойчивую бледность на лице просителя.

"Инфаркт", – буднично подумала она.

Не расслышав вопроса, человек принялся громко говорить, очевидно, о наболевшем.

– Вчера я почувствовал... – почти закричал он.

Резкий его голос странно прозвучал в коридоре.

– Потом расскажете, – с профессиональной нотой бодрости, более похожей на раздражение, подбодрила Агрипина Алевтиновна.

Войдя в кабинет, она воспользовалась уединением, чтобы вздохнуть несколько раз, позвонить сыну и, наконец, обидеться, что к телефону подошла его жена. Затем она выписала рецепт сыну – смазывать горло, которое она неустанно лечила всю его жизнь и большую часть своей.

Внезапно в ее кабинете раздался телефонный звонок. Молодой врач Тяпкин, проходя по коридору, увидел человека, сидящего в пространстве между своим кабинетом и кабинетом заведующего. Опасаясь поступить нетактично и прихватить чужого пациента, Тяпкин не хотел упускать и своего, не отвыкнув еще до конца от двухлетней работы в частной клинике, откуда его уволили неделю назад за перевозку заинвентаризированной скамейки из больничного двора в свой приусадебный участок. Сам же больной ничего уже не говорил, а только тихо качался из стороны в сторону от кабинета заведующего к кабинету Тяпкина, что тоже ясности не добавляло.

– Молодой, да ранний, – неприязненно поставила диагноз заведующая Тяпкину, выслушав его торопливый говорок. К ней прицепилась слава хорошего диагноста еще в институте, когда вместе с группой попал в морг, она закричала первая: "Покойники!"

– Займитесь им, Василий Васильевич, – не без ехидства произнесла она, нарочито проговаривая окончания имени и отчества молодого врача, которые при обычных обстоятельствах и в угоду народным традициям по-свойски обрубались с концов наполовину.

В понедельник Крошкина и Грушкина похоронили.

Некролог вывесили только в четверг, и Грушкин с Крошкиным, которым кадровики, вечный бич жизнелюбия, выставили по два прогула, грозившие лишением премии целому отделу за то, что они оказались там, где религия обещает вечность, а земля – прах, были, наконец-то, оправданы и в глазах коллектива.

– Кто бы мог подумать? – озираясь по сторонам в поисках ответа, ахала Валечка.

– И ведь как жили, так и умерли, – добавила пенсионерка Люба, подметавшая пол.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила судорожно Зинаида Николаевна (ходили слухи, что она была любовницей Крошкина).

– А то, что Грушкин имел интрижку с женой Крошкина, – захохотал из своего угла Николенька.

– Что вы говорите, – съязвила Майечка, – я слышала, что это Крошкин имел интрижку с женой Грушкина.

– О покойниках плохо не говорят, – сказала все еще грустная Лидия Петровна, о которой знали точно, что она была любовницей Крошкина.

Верочка и Ирочка, весело переглядываясь, хохотали, потому что Верочка еще не знала, что Ирочка уже вторую неделю была любовницей Николеньки, а Ирочка доверчиво полагала, что Николенька бросил Верочку еще месяц назад.

Так этот большой и дружный коллектив, работавший на благо путей смещения, принял весть о кончине своих товарищей.

– А, простите, от чего они... того? – не выдержав, полюбопытствовал Иннокентий Болотский, обычно тихо писавший стихи уже четверть века в ящики всех письменных столов, встреченных им на трудовом пути.

– Как от чего? – удивилась пенсионерка Люба. – От аппендицита, гнойного.

– Что вы говорите, а я и не знала, что гнойный аппендицит – вирусное заболевание, – встревожилась красавица Валечка, оказавшаяся ближайшей соседкой обоих усопших.

Эту-то фразу и услышал, проходя мимо окна эпидемиолог медсанчасти Никонов П.М., защитивший через два с половиной года диссертацию на тему "Вирусное воспроизводство патологического возбудителя загнушной пазухи гнойного анахронизма правостороннего аппендицита в распахнутоносовых пазухах воздушно-капельным путем" и позже возглавивший неврологический институт имени Буянько-Ламбарозо, названного так в честь знаменитого уссурийского путешественника и шамана, съеденного тиграми в день своего сорокалетия.

Буянько-Ламбарозо долго не признавали в нашей стране из-за этой неудачи, одновременно ставшей и его кончиной. Дело в том, что написав к своему сорокалетию труд о гениях,

шаманах, шарлатанах и просто дураках, и после этого перестав отличать одних от других: в силу плохой освещенности тайги он потерял остроту зрения, стараясь закончить рукопись ко дню рождения, а ближайшая аптека, где можно было заказать очки, была далеко. Затеяв запланированный самим собой праздник для самого себя, что говорило о некоторой его собранности и безусловном оптимизме, на основании которого, казалось, он все и рассчитал, даже разослав приглашения во многие известные издательства газет и научных журналов, ученый, лучиной разведя костер, как его учили в детстве, затушил его, страдая склерозом, позже выдаваемым библиографами за энурез, преждевременно, до рассвета, за что и был съеден тиграми. В ту же ночь, но уже после его гибели, разразилась гроза, приведшая к пожару тайги, приписываемому неосторожному обращению со спичками путешественника и шамана. Журналисты, не успевшие к окончанию пожара, сделав репортажи о пожаре по годами наработанным материалам, именуемым болванками, разбежались за будущими сенсациями. Журналист же Вести-на-месте, вернувшийся из отпуска и не включившийся пока в работу, планами еще не располагал. Оставшись на месте полистать блокнот, он обратил внимание и на приглашение Буянько-Ламбарозо, в котором стояла дата, имевшая место две недели назад перед началом пожара и непосредственно перед его отпуском. Не сходя с места, пристроившись на чудом уцелевшем для этих целей после пожара пеньке, он набросал беглые подробности, в которых любознательная к происшествиям публика впервые разыскала имя Буянько-Ламбарозо, с которым ей сразу пришлось и проститься.

Сенсацией воспользовались умело появившиеся после публикации сторонники и противники ученого. Их публичная борьба обрастала частыми в ученом мире кандидатскими степенями и реже докторскими. Назавищавшись, сторонники достигли временной победы, доказав отсутствие магазинов, а косвенно и спичек на расстоянии нескольких дней пути, в местности, облюбованной Буянько-Ламбарозо для труда, построенного исключительно на воображении бедняги.

Предполагалось снарядить экспедицию на поиски остатков лучины, используя метод семейных подрядов, из рядов ученых, но их жены, не отъезжающие в пенатах никуда дальше приусадебных участков, отказались покидать насиженный город даже ради науки мужей.

Так, почти естественным путем, удалось восстановить как собственно, и обнаружить имя этого никем неизвестного ученого человека.

В его чудом уцелевших записках опять больше всего досталось Пушкину, кажется, из-за того, что Буянько-Ламбарозо, представляя себя на месте жены Пушкина, никак не мог понять как он, Буянько-Ламбарозо, смог бы жить с Пушкиным в качестве его жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.